

Поступление во ВГИК, учебные фильмы Тарковского и дружба с Шукшиным

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2105>

🗣️ 18 мая 2017

Собеседник

Тарковская Марина Арсеньевна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 18 мая 2017 и опубликована 28 июня 2023.

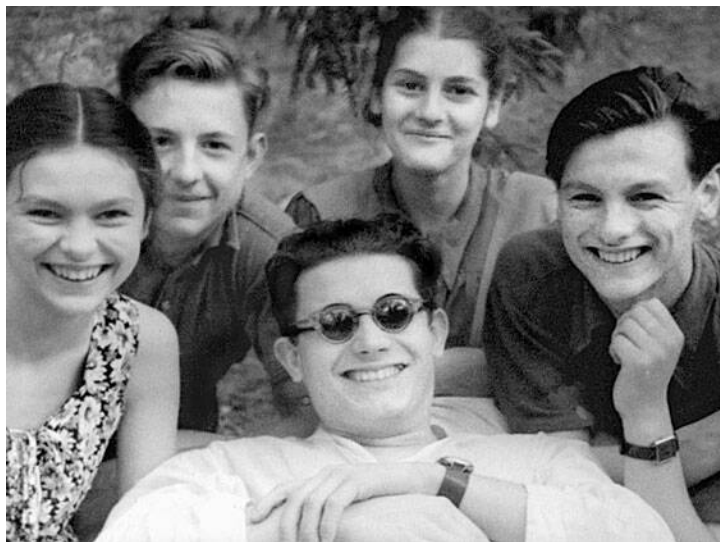
Введение

В последней, шестой, беседе Марина Тарковская рассказывает о поступлении Андрея Тарковского на режиссерский факультет ВГИКа в мастерскую Михаила Ромма. Однокурсниками брата были Василий Шукшин, Александр Гордон, Юлий Файт и Ирма Рауш. Марина Арсеньевна вспоминает учебные фильмы Андрея Тарковского «Убийцы» и «Сегодня увольнения не будет», рассказывает о дружбе с Шукшиным и отношениях с Иrmой Рауш. Значительная часть беседы посвящена воспоминаниям об оттепели и возвращении политзаключенных. Тарковская подробно описывает атмосферу Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года и делится впечатлением от раскрепощенного поведения иностранцев.

О решении Андрея Тарковского поступать во ВГИК

Марина Арсеньевна Тарковская: Так, начнем с возвращения Андрея из экспедиции туруханской и поступления во ВГИК. Я уже говорила, как приехал Андрей в телогрейке, прожженной у костра, с длинными волосами, с рюкзаком, полным камней, там серный колчедан, так называемый спутник алмазов, были вкрапления в этих камнях. И началась проблема, как же ему жить дальше. И я еще висела в воздухе, потому что я в первый раз в университет не поступила, не прошла по конкурсу, и второй раз в Востоковедения меня тоже завалили специально, на экзамене, чтобы не принять. Там такое было правило.

У Андрея был друг, наш общий приятель Дима Родичев. Его отец был другом видного советского оператора, то есть у них была связь со ВГИКом, с Институтом кинематографии. Дима уже там учился на режиссерском факультете. И Андрей с ним стал встречаться по возвращении. Тот правильно оценивал возможности Андрея и сказал: «Тебе надо поступать во ВГИК». Потому что (ну, это я уже говорю от себя) он прекрасно знал и музыку, и живопись, и русскую, и зарубежную, и очень много читал, и занимался еще самодеятельностью театральной, поэтому у него был навык и актерский какой-то уже. В общем-то, оказалось, что это правильно. Дима как бы его направил на верный путь.

В первом ряду: Марина Тарковская, Дмитрий Родичев и Андрей Тарковский. Кратово, лето 1949 г.

Помощь отца, письмо Виктору Шкловскому

Ну, Андрей сказал об этом папе, и папа решил позвонить Шкловскому, чтобы помочь сыну. Причем, когда я не поступила в Востоковедение, папа отказался помогать. Кто-то там прошел с такими же баллами, а я не прошла. На мой вопрос: «Почему меня не приняли, а дочку генерала приняли?» — мне сказали, что... Огромная комиссия отборочная сидела, взрослые люди, они сказали: «Мы учитываем заслуги родителей». И я говорю: «Папа, так и так, они учитывают заслуги, разве у тебя нет тоже заслуг?» Он инвалид войны, орденосец, член Союза писателей уже был тогда, в 40-м году его приняли по секции переводчиков. И папа сказал маме, что он этими делами заниматься не будет. Ну, так я не поступила тогда.

А здесь папа почему-то очень рьяно... Андрей не просил, конечно, и я ни о чем не просила. Значит, написал Шкловскому, что мои дети хотят поступать во ВГИК. Андрей мне рекомендовал, чтобы я поступила на актерский, хотя я букву «л» не произношу нормально. Вообще, это было не мое явно, потому что я очень стеснительная была, до ужаса. Но мама пишет в одном из писем, что Марина читает «Письмо Татьяны» так хорошо (она мне никогда об этом не говорила, вот это зря, конечно, материнская педагогическая ошибка, куража у меня было бы больше), что просто удивительно. В письме к своей подруге она пишет. Я об этом не знала.

Шкловский отозвался и направил нас к человеку, который работал во ВГИКе, его фамилия была Бендер. Тогда была очень модна эта история с Остапом Бендером, в двух книгах, и это вызывало, я думаю, массу насмешек. В общем, мы пришли к нему. Он с нами стал разговаривать, а что мы будем готовить, и говорит: «Ну, приходите, сдавайте экзамены...» Ну, что он мог сделать, в общем-то? Тут уже должна была какая-то объективность приемной комиссии сработать. А потом я узнала, что папа позвонил или написал Ростиславу...

Екатерина Андреевна Голицына: Юрениву.

М. Т.: Юрениву, да, спасибо за подсказку. Ростиславу, Славе, как говорилось, Юрениву, который в молодости был в одной компании поэтической с папой. Папа его в какие-то годы знал. Это уже Юренив потом пишет. Но к Юрениву мы уже не приходили, по-моему. Короче говоря, Андрея приняли.

Вступительные испытания в мастерскую Михаила Ромма

А набирал себе студентов Михаил Ильич Ромм. Ну, это замечательный человек, прекрасный режиссер. Когда они учились уже на первом курсе, у него был такой очень неудачный фильм «Убийство на улице Данте». Он находился в таком

творческом кризисе, если можно так сказать, как раз в этот период. Однако был профессором, педагогом во ВГИКе.

С Андреем вместе поступал, из таких известных людей, Василий Шукшин, Юлий Файт, сын актера Андрея Андреевича Файта, известного очень. Уже в немом кино он был известен, дальше играл всегда или немцев, или каких-то нехороших людей, фашистов, но он прекрасный человек. Его сын — как раз со школьной скамьи, самый молодой на курсе. Ну, поступал еще... Ну, фамилии, которые, в общем, как-то не прозвучали: и Виноградов, и замечательный человек по фамилии Китайский, который уже в конце обучения во ВГИКе покончил с собой, такая трагедия была с ним. Много интересных людей было там.

Е. Г.: Андрей рассказывал вам, как он экзамен сдавал, делился?

М. Т.: Андрей читал отрывок из «Войны и мира», это сцена дуэли Пьера Безухова и Долохова. «Место для дуэли было выбрано в стороне от проезжей дороги...» Я искажаю цитату. Это так начинался отрывок. Довольно сложный, потому что он психологический, описание состояния дуэлянта, во всяком случае, Пьера. Я уж не помню, был ли там внутренний мир Долохова. И во ВГИК он пришел с этой... Александр Витальевич Гордон вспоминает, его однокурсник, кстати, он поступал в этот же год и был большим другом и сотрудником по первым фильмам учебным во ВГИКе Андрея.

Вот он пришел на экзамен с этой книгой под мышкой, толстенный том. Он у меня сохранился, папа нам, по-моему, подарил его, «Война и мир» Толстого. И был он в желтом пиджаке, импортном, купленном в комиссионке, таком стильном, он же был стилиста. Вот. Ну, Вася Шукшин пришел во ВГИК. Он приехал в Москву из Сибири, где он был директором школы и ее учеником одновременно, и уже где-то там матросом был или на судне служил, боюсь сейчас напутать немножко, но у него уже за плечами была большая биография, в частности, женитьба. Он уже был женатый человек, единственный на курсе, но об этом никто не знал, конечно.

Ну, были там и дамы. Приняли Ирму Рауш. Ромм сказал: «Должна быть хорошенькая девушка на курсе, хоть одна». Приняли ее. Кто бы знал, какие последствия этого всего? Вообще, это удивительно. Если бы было какое-то знание, предсказание, да, чтобы чуть-чуть пошло бы не так, как у Брэдли, не наступил бы кто-то на бабочку, и эволюция пошла бы другим путем. Так и в судьбах. Не поступи Рауш во ВГИК, все было бы в жизни Андрея по-другому. Ну, это вот про Андрея.

Ирма Рауш в фильме «Иваново детство». 1962

Ромм писал, что он принял и Тарковского, и Шукшина, который вообще не читал «Войну и мир», но когда его спросили, твердо сказал: «Я не читал, но обязательно прочту». И я уверена, что прочел. Ромм писал в своих записках, заметках, что на курсе должна быть одна или две ярких личности, чтобы каждая из этих пассионарных фигур собирала вокруг себя остальных студентов и как-то на них влияла. Вот такими личностями был и Тарковский, и Шукшин. Ромм это сразу почувствовал и принял их обоих. Я думаю, что тут вот этот блат, о котором я говорила чуть выше, что вряд ли он так сильно повлиял на Ромма. Конечно, он говорил с каждым абитуриентом и выяснял, отсеивал кого-то. Так что вот, оказался такой интересный курс.

Подработка в фотопавильоне

Е. Г.: А вы как поступали?

М. Т.: А я поступала тоже... Я в то время подрабатывала, потому что я не училась еще нигде тогда. Я подрабатывала во ВГИКе, потому что тот же Дима Родичев, который уже учился, как я говорю, он рекомендовал меня в фотопавильон. Значит, во ВГИКе существовал фотопавильон, где студенты учились фотографии, потому что там были и операторы, и художники. Там все учились, проходили этот курс, для общего как бы развития. Возглавлял эту контору бывший оператор и фотограф... Ну, уже очень старый человек, ему, по-моему, было лет девяносто. Левицкий его была фамилия. Отец его был известным фотографом в Петербурге, это известное имя в истории фотографии русской. А он был оператор там. Чем он меня поразил? Что я как-то увидела у папы Библию с рисунками Доре, это даже, по-моему, были... Как это называются картины?

Е. Г.: Офорты.

М. Т.: Гравюры. Я ему об этом сказала, когда операторы, студенты, устанавливали свет. Приходилось ждать, и мы с ним часто беседовали о всяких интересных вещах. Я сказала, что я видела Библию с рисунками Доре. Он встал на дыбы и стал мне доказывать, что такого быть не могло (*смеется*). Ну, с такими людьми бесполезно спорить, конечно, я замолчала. Но интересный был человек, очень выразительный старик, внешности такой. Вот. Значит, я как модель, снимали портреты, учили ставить свет правильно для портрета и так далее. Есть фотография, Андрей снимал меня там.

О своей попытке поступить на актерский факультет ВГИКа

И тут, значит, экзамены. И я пошла на этот экзамен в самодельной юбке. Кофточка у меня была сшита без рукавов, потому что я рукава, по-моему, я уже говорила, не умела втачивать. И я, значит, явилась в эту комнату. Огромный стоит стол, очень длинный, за ним сидят какие-то серьезные люди, в возрасте все. Мне казалось, что они все старые очень. Я вошла, встала, посмотрела на этот стол и говорю: «Извините, до свидания», — повернулась и ушла (*смеется*). Я не то что испугалась, страха не было, а мне просто показалось унижительно чего-то из себя изображать перед этими взрослыми людьми. И чего я буду это делать? Зачем мне это надо? Вот такое было состояние. Посмотрела на них и думаю: «Как им вообще не стыдно?» Вот какое-то бессознательное, опять же вот такие какие-то мысли. Конечно, они не явно проявились тогда. Я там не раздумывала, как мне быть, нет, это как-то мгновенно пронеслось в подсознании, что, собственно, зачем мне все это нужно: кривляться, что-то изображать. Я попрощалась и ушла. Вот. Это со мной так было. А я басню готовила, «Письмо Татьяны к Онегину». Да. Ну, это моя... Но я продолжала туда ходить, кстати, какое-то время. Потом уже поступила в университет на вечернее отделение, потому что я уже работала. Жизнь была немножко уже другая, нестуденческая. Вот так.

Учебные сценарии и рецензии Андрея Тарковского

А Андрей учился во ВГИКе. Ну, первое время он использовал свое пребывание в Сибири, свои впечатления от экспедиции. Все его работы учебные: надо было написать какую-то сцену, потом поставить со своими однокурсниками, но уже работа с актером была. И вот эти все записи, все эти рассказы, там даже рассказ есть начатый и неоконченный, называется «Болото». Это тоже все впечатления о его экспедиции летней 53-го года, а в 54-м он уже стал студентом, так что они еще были очень свежи.

При поступлении во ВГИК нужно было написать сценарий короткометражного фильма, и Андрей написал сценарий. «Концентрат» он назывался. Многие исследователи сейчас говорят, что это сценарий фильма, и фильм этот был снят, учебный. В общем, очень много врут, просто знают, что такой... По-моему, я его даже в своей книге могла опубликовать, сейчас не помню.

Ну, очень интересная история с этим «Концентратом». Концентрат — это как бы плод исследовательской работы геологов. Они обрабатывают материал, и вот этот концентрат — очень дорогая такая вещь, потому что это итог геологической работы летней целой партии геологов. Он должен дать какой-то результат их работы, то есть по этому материалу должны сделать какой-то вывод уже где-то в Москве, в специальных лабораториях. И там такая вот история с этим концентратом: надо его переправлять, а на Енисее буря, всякие страсти. Очень интересный материал.

А работу по... Нужно написать было отзыв о фильме...

Е. Г.: Рецензию.

М. Т.: Рецензию о фильме каком-то... По-моему, многие писали о фильме «Великий воин Албании Скандербег», был такой великий воин. Тогда была дружба с Албанией. Еще товарищ Сталин не разругался с Энвером Ходжей. Был такой фильм, его поставил, по-моему, Юткевич, боюсь ошибиться. Андрей тоже написал очень хорошую рецензию. Он приехал к папе, ему показывал эти рецензии. Папа говорит: «Андрюша, я фильма не видел и не знаю, как пишутся эти рецензии, но, в общем, ты написал». Как-то папа одобрил.

Да, и фотографии были нужны для того, чтобы поступить во ВГИК. Андрей занялся фотографией, снимал он как раз в Мutowках, под Абрамцевым, под усадьбой, да, и музеем Абрамцево. Тогда «57-й километр» станция называлась. И мы с ним вместе печатали, он дома печатал. Ну, конечно, печать была несовершенна, фотографии эти сохранились, и бумага не та была, но все равно, на мой взгляд, были хорошие снимки, интересные. Там такие композиции, крынка, например, из-под молока, ну, тогда еще пользовались этими крынками в деревнях русских, глиняными... Крынка и курица рядом какой-то кусочек хлеба клюет. Ну, такие вещи, натюрморты. Вот такой был пакет документов туда. И собеседование, конечно, и чтение каких-то отрывков или басен. И Андрей был принят уже.

Андрей Тарковский. 1954

Вася Шукшин и Саша Гордон

Они уже начали учиться. Конечно, самое сильное впечатление на Андрея произвел Вася Шукшин, который приехал с чемоданом фанерным, с замком на этом чемодане, в сапогах. У него была под кителем тельняшка, потому что он где-то на речном флоте служил какое-то время. Он о нем рассказывал много. И у Андрея был какой-то такой приоритет, наравне с Васей. Вася уже опытный человек, он был старше всех на курсе. И Андрей, который уже побывал в Сибири, уже был опытный учебы в высшем учебном учреждении. То есть, мне кажется, что он там... Он никогда это не проявлял, конечно, внешне, по отношению к ребятам, тогда он был очень дружелюбно ко всем настроен, был очень контактным человеком, дружелюбным, интересующимся всеми, но все-таки какой-то приоритет он отдавал Васе, вот в таких своих контактах, и Саше Гордону. Они очень дружили. Саша был даже старше Андрея, чуть младше Васи. Уже он прошел военное училище и службу в армии, в Карпатах он был, горный артиллерист. Ходил он в шинели тогда, потому что ничего другого у него не было. Пальто у него украли, которое сшили ему... Вы знаете эту историю, наверно, глупую ужасно. Шинель, конечно, производила впечатление на окружающих и на педагогов (*усмехается*).

Е. Г.: К вам они приходили в гости домой?

М. Т.: Да, приходили. Как-то день рождения Андрея был. Это было один раз, день рождения Андрея, когда пришли однокурсники. Пришел Саша Гордон. Вася Шукшин был. Очень хорошо его помню. Я, по-моему, это все рассказывала. Нет?

Е. Г.: Не мне.

М. Т.: Видите, уже приходится повторяться, к сожалению. А ничего другого не придумаешь, потому что это было именно так (*усмехается*). Это вот сложность многолетних интервью.

Вася был. Комната маленькая, что-то десять метров. Стол стоял, по-моему, вот этот, что сзади нас, впереди меня, вернее, сзади вас, маленький очень. Вася сидел спиной к двери. А я сидела напротив него и могла наблюдать за ним. Он меня очень заинтересовал. Во-первых, он был красивый очень человек. Тогда он не был таким измученным, как в конце жизни, хотя у него уже была язва желудка, к тому времени уже заработанная, но у него был хороший цвет лица. Он был еще свежий молодой человек, если можно так сказать, и очень красивый: серые глаза, скулы. И он абсолютно ничего не говорил, никак себя не проявлял, сидел, молчал. По-моему, его основная задача была просто наблюдать за другими и как бы брать себе как какой-то материал. У меня такое ощущение сложилось.

А я пригласила как раз к нам, на это день рождения, мою подругу школьную. Она тогда училась в институте, по-моему. Девушка с характером. Мне очень хотелось, чтобы Вася за ней как-то поухаживал. А она вдруг ни с того ни с сего: «Я пойду домой!» Есть такие девицы, которые идут против течения всегда. А я говорю: «Андрей, ты скажи Васе, чтобы он Инну проводил». И Вася пошел провожать эту Инну. Возвращается смущенный. Андрею он сказал потихонечку: «Я пошел ее провожать. Я ее к забору прижал, а она мне по морде дала». Вот такие несостоявшиеся ухаживания (*смеются*). Может, сразу к забору не надо было ее прижимать все-таки. Очень смешно. Ну, потом она, наверно, всю жизнь этот случай вспоминала. Сейчас он стал звездой литературы и кино. В общем, известный очень человек. Человеком он стал. Вот такой был смешной эпизод. Вот такое впечатление производил.

Саша Гордон — это яркая противоположность Шукшину. Он разговорчив был всегда до умопомрачения, всегда что-то говорил. А в то время у нас было много переводных романов немецких, таких прогрессивных, друзей Советского Союза,

писателей и писательниц; Зегерс, еще кто-то... Был один роман «Никто не хотел умирать», а второй роман «Деревья умирают стоя». Мне очень нравилась эта тематика. В общем, мы это все читали, потому что это все издавалось, какая-то новинка очередная, романы немецких прогрессивных писателей, демократических. И там был, у Зегерс, по-моему, какой-то один студент, революционно настроенный, который ходил в распахнутой шинели и всегда что-то говорил публично. Вот Александр Витальевич Гордон напоминал мне студента этого, фамилию его забыла, но очень долго помнила персонажа, потому что очень похож был.

С Андреем они так дружили, что Андрей приходил на... Чтобы ехать во ВГИК на метро, по кольцевой линии метро, это был тогда «Ботанический сад», а потом стала «Проспект Мира». Это ведь кольцо, по-моему, да? И Андрей садился на «Павелецкой», а Гордон — на «Таганской» станции метро, и они ехали вместе. Ну, уже начинали, конечно, разговаривать на всякие темы, их интересующие.

Съемки учебного фильма «Убийцы»

И уже на втором курсе они делали вместе одну работу по рассказу Хемингуэя «Убийцы». Это из цикла рассказов «В одном городе», по-моему, так называется цикл рассказов Хемингуэя о провинции американской. И в то время уже, что было для нас дико, там были наемные убийцы. Сейчас мы говорим «киллер», тогда оно было только американским словом, а мы говорили еще «наемные убийцы». Отставали от мирового прогресса (*усмехается*).

Дело в том, что к нам попал сборник рассказов Хемингуэя каким-то образом, в переводе Ивана Кашкина. Был такой переводчик, один из лучших советских переводчиков американской литературы, в частности, Хемингуэя. И Андрею рассказ этот очень понравился. И он предложил Саше делать учебную работу на основе этого рассказа. Тут много удивительного. Во-первых, сама тема и сам американский писатель. А это 55-й год, 55-й — 56-й, 56-й скорее, уже второй курс, вторая половина... И вдруг американский писатель. Но Ромм эту тему поддержал, и другие педагоги. Это первое.

Во-вторых, там должна была быть построена декорация американского бара, что тоже было странно, такое разложение моральное, влияние Дикого Запада на советскую молодежь, тлетворное. В общем, все это так, но тем не менее строился в павильоне, в этой части, которая предназначалась Андрею, американский бар. Туда надо было приносить какие-то вещи, бутылки заграничные. Тогда их было не так много в Советском Союзе. Значит, собирали, кто мог, какие-то импортные бутылки, чтобы изобразить стойку барную.

На съемках фильма «Убийцы». Москва, 1956. Из архива редакции журнала «Искусство кино»

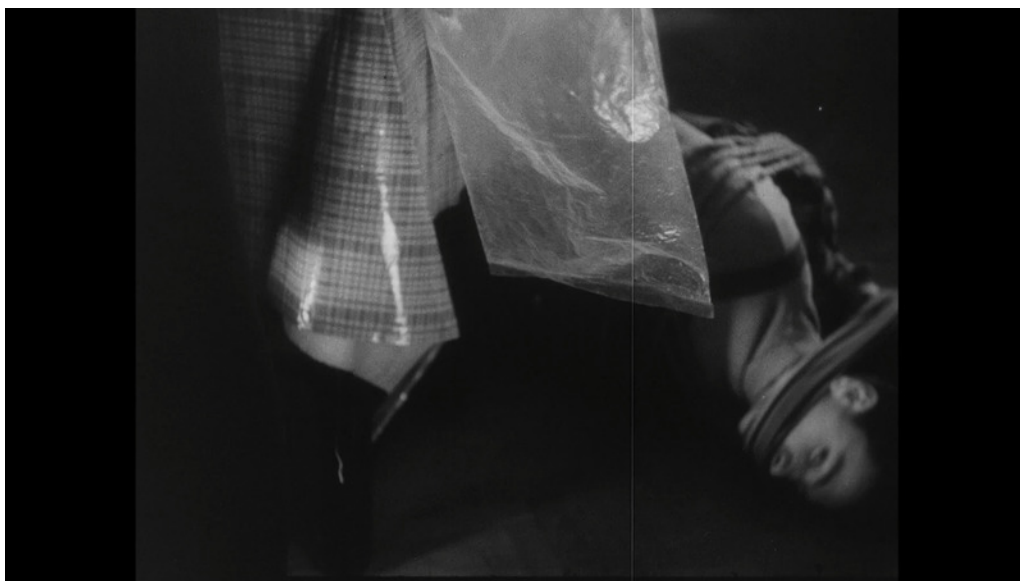
Потом Андрей принес из дома вот эти часы, под которыми он родился когда-то. Они там играли большую роль, потому что убийцы и хозяин бара, которого играл Гордон, все время смотрят на эти часы. Они там просто действующее лицо. Это второе.

Александр Гордон в фильме «Убийцы». 1956

Третье, значит: приходит посетитель бара, которого играет Андрей как раз, и насвистывает американскую мелодию, известную очень, джазовую, ее поет... Ну, пели все известные американские джазовые, вот эти негритянские певицы знаменитые, очень известная мелодия... Тоже, значит, американщина, запрещенная в Советском Союзе. И это все как бы было принято.

Да, там еще такая смешная деталь. Тогда только-только в обиходе появились целлофановые, как мы их называли, пакеты, полиэтиленовые, вернее, тогда еще называли целлофановые, хотя это неправильно. И Андрей один пакет где-то раздобыл. Может, у нас дома этот пакет оказался. Тогда это была большая редкость в обиходе хозяйственном русских людей, советских. И там бутерброд, который заказывает посетитель бара, это Андрей, в шляпе а-ля американец, с очень плохим гримом, кстати... Хозяин бара, значит, входит в кухню этого бара и в этот пакет... Даже камера задерживается на этом пакете немножко, что, мол, такой пакет, такой прогресс (*смеется*). В общем, никто это не понимает сейчас, это знаю только я. Это смешно. И участники фильма... Саша, по-моему, об этом не вспоминает, что пакет такую большую роль сыграл. Вот.

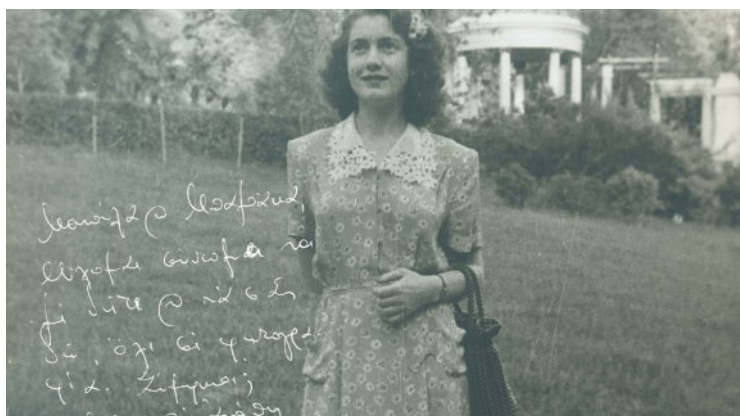
Упомянутый пакет в фильме «Убийцы». 1956

И что меня тут поразило. Я тут как-то была в бывшей Театральной библиотеке. Она сейчас немножко иначе называется, Библиотека искусств, по-моему, Государственная библиотека искусств. Они мне показали и даже прислали карточку заявки на какую-то книгу, там Андрей просит ему выдать книгу рассказов Хемингуэя на английском языке. Меня это просто поразило. То есть он не был удовлетворен переводом. Ему хотелось прочувствовать этот рассказ про этого несчастного обреченного боксера и этих убийц, которые его ищут и преследуют по всей Америке. Ему хотелось это прочесть в оригинале. Вот это удивительно. То есть он хотел всей душой проникнуть в этот текст, в атмосферу американского маленького городка и в эту трагедию, которая еще не случилась, но должна случиться. Потому что этот обреченный боксер говорит в последней сцене, что вот он еще немного полежит и выйдет, «выйду, и тут же они меня убьют, и умру». Выйду — значит умру. Вот такой драматический сюжет.

Василий Шукшин и Юлий Файт в фильме «Убийцы». 1956

Там снимали три студента: Тарковский, мы сейчас о нем говорим, Гордон и студентка, гречанка, политэмигрантка, Мария Бейку. Ей дали участвовать. Каждый из них свою часть как бы режиссировал. Так что вот был такой фильм, который получил замечательную оценку и педагогов, и студентов. Вообще, это была сенсация.

Мария Бейку. 1959

Шалаш Васи Шукшина

Очень смешные последствия всего этого. В соседнем отсеке этого павильона строил декорацию Вася Шукшин. У него

был шалаш какой-то, ну, обычный шалаш. У него была, видимо, сельская тема... Ну, мы знаем его рассказы и прочее. Это было естественно, но впоследствии, уже когда их обоих не стало на свете, когда много появилось всякой литературы и о Шукшине, и о Тарковском, кто-то написал, что у Тарковского была такая замечательная декорация, такое большое пространство ему почему-то выделили, а у бедного Шукшина стоял только шалаш. Ну, такой абсурд начинается, когда люди, не понимая ситуации, не понимая особенности каждого из режиссеров и особенности того времени, делают такие странные выводы, совершенно дикие, ни на чем не основанные, кроме каких-то баек.

Е. Г.: А вы на съемки не ходили к ним?

М. Т.: Нет, нет, меня никто не приглашал, а сама я как-то не рвалась. Это очень плохо. Не просилась, не рвалась. Ну, у меня был свой характер, конечно.

Работа в Первой образцовой типографии имени Жданова

Е. Г.: Вы уже заняты были своей работой?

М. Т.: Да.

Е. Г.: А где вы работали?

М. Т.: 55-й, 56-й я работала в Первой образцовой типографии имени Жданова.

Е. Г.: То есть как мама?

М. Т.: Да, в той же корректорской, где в 20-х годах работал Есенин, который приехал в Москву к своему дяде, жившему в Строченовском переулке, недалеко совсем от типографии. Так что это было известное место, это бывшая типография Сытина. Вот. Я очень рада этому опыту по ряду причин. Ну, во-первых, я сидела в том помещении корректорской, где работал Есенин. Это тоже приятно. Воздух. Хотя воздух там был насыщен парами свинца, потому что литеры отливались из какого-то свинцового соединения, металл такой был. Вот.

Я научилась делать набор ручной, то, от чего сейчас уже совершенно... Настолько все ушло вперед, что никто не знает, что такое ручной набор, что такое державка. Это маленькая такая, типа линейки закрытой, куда вот эти буквы надо вставлять. Перед тобой касса, в каждой кассе лежит определенная буква, литера, знаки препинания, и всё. Они все лежат в определенных ячейках, и надо оттуда брать. Когда человек освоит это дело, он уже почти вслепую набирает, потому что знает, где какая буква или знак препинания лежит. Это очень интересно. Мне очень нравился ручной набор.

Е. Г.: А что вы набирали там?

М. Т.: Ну, просто меня учили, как это делать. Ну, какую-нибудь ерундовую фразу, я не знаю, что там было. «Да здравствует товарищ Сталин!» могло быть, не знаю что. Но что интересно, значит, по наборному цеху ходила... Там был еще набор машинный, как-то он назывался... Линотип! Вот что там было! Набирал наборщик на клавиатуре. Это уже было намного быстрее. Отливалась целиком отдельная строка, то есть была планка металлическая, видимо, тоже со свинцом, на одном ее ребре был текст набран. Когда уже этот текст был набран, так же как и ручной, его собирали в страницу, обвязывали шпагатом туго, особенно трудно это было с ручным набором, потому что обычно обсыпались края, надо было тут... Корректора работали очень... Вот. И также с этим линотипом. Надо было его обвязывать, потом сводка с машины, потом сводка с прессов. В общем, сложный был очень процесс и для корректора.

Работа была такая, как примерно в фильме Чаплина, где идет конвейер, и он уже автоматически работает. Вот так работали корректора в типографии. Это было очень сложно. За час надо было вычитать шестнадцать полос, тетрадку какого-то набора. Они были разные. Они были в виде, допустим, вот этой тетрадки — верстка так называемая, или в виде больших полос.

Характер мамы и его проявление в работе

Кстати, мама работала на сводках с прессов. Это такой большой лист, шестнадцать этих полос, но просто на листе еще оттиснут, да... От количества прочитанных листов сводок мама получала деньги. Вот она записывала, сколько она читала. Это все считалось. Если она больше прочтет, значит, она больше получит денег, зарплату. А рядом с ней была очень... Там были малограмотные корректора, которые читали с пальцем, то есть смотрели и в оригинал, и в оттиск типографский, поэтому тут не надо было обладать особой грамотностью. Тут надо было просто внимание включать на всю катушку. И вот эта Лидия Петровна, кажется... Лидия Николаевна? Лидия Петровна? Она была очень медлительная. Короче говоря, о маме. Когда вешались сводки, были такие, что сразу можно было определить: ага, здесь пустая страница, там треть страницы только набрана, а здесь идет табличка маленькая на странице. То есть можно было определить, где труднее, где легче. И мама себе брала самые трудные, а легкие оставляла Лидии Петровне, допустим, отчество сейчас забыла, Лидия Васильевна, скорее. Ну вот. И так длилось не один день, не два, а годами. Вот такой она была человек.

Е. Г.: Марина, а в «Зеркале» ситуация, когда она бежит, ее вызывают в типографию, там ошибка какая-то, это реально было?

М. Т.: Это было нереально, но это висело в воздухе как бы. В маминой практике у мамы не было такой ошибки, а было сомнение в том, что какая-то ошибка прошла, и мама ждала, что ее выгонят с работы, и как она будет вообще.

Е. Г.: Очень ответственная работа была.

М. Т.: Она была ответственная. Если шли издания, допустим, Большой советской энциклопедии, или Политиздат, это очень ответственные вещи. Там прошла ошибка. Там было написано: Сталин и кто-то еще из коммунистов венгерских. Я не помню,

какая-то фамилия там должна была быть, а отпечатали... На каком-то этапе эту ошибку поймали, но там было: Сталин и Ракоши¹. А Ракоши — это фашист венгерский, ну, глава венгерского фашистского правительства, союзник Гитлера, наверное. Сейчас боюсь ошибиться немножко, за давностью лет, как говорится. И вот это было, конечно, серьезно. Но там никого особенно... Не знаю, то ли уволили эту женщину, скорее всего, просто уволили и ничего там не было, сухари не сушили и так далее. Тут было все чуть-чуть преувеличено.

¹ Наоборот, Матьяш Ракоши был генеральным секретарем ЦК Венгерской коммунистической партии.

Кадр из фильма «Зеркало», сцена в типографии. В ролях Николай Гринько и Маргарита Терехова. 1974

Дело словарников

Может быть, такие случаи были в других типографиях, издательствах, не знаю. В издательствах, конечно, потому что, если сейчас об этом можно говорить, об этой теме, то... Я потом работала в Издательстве словарей... А там в тридцать каком же году? В 37-м году, наверное... Короче говоря, это было Издательство «Советская энциклопедия», и оно издавало... Тогда не было отдельно Издательства словарей, оно потом появилось, вышло из состава этого Издательства энциклопедии советской и стало словарным издательством, в котором я начала работать. А тогда это была просто «Советская энциклопедия», и был там словарный отдел. Издавали Большой немецко-русский словарь под общей редакцией Миллера², такая фамилия там была.

² Марина Арсеньевна ошибается. Редактором словаря была Елизавета Александровна Мейер.

И в этой группе, которая работала, был Густав Густавович Шпет, немец по происхождению, Дмитрий Сергеевич Усов, замечательный германист, поэт. В свое время они оба были сотрудниками ГАХНа, Государственной академии художественных наук, так называлась эта организация, которую, конечно, прикрыли в 30-х годах, в 32-м окончательно прикрыли этот ГАХН. И вот эта группа была... Да, пошли письма куда следует. Причем мне назвали фамилию этой редакторши, которая написала письмо, что этот словарь фашистизирован, и он готовится для фашистских шпионов. Ее фамилия Красная. Вот мне так говорили. Как говорится, что знаю, то и говорю, что услышала.

Всю эту группу арестовали, двоих из этой группы расстреляли просто. Шпет умер в лагере³. Усов провел пять лет на канале, два года, по-моему, на Беломорканале, больной сердцем человек. Потом жена его была выслана в Узбекистан, и он туда к ней приехал, и там умер, году в 47-м, может быть. Вот такие происходили вещи тогда. Вполне могло быть, что были санкции в других издательствах или типографиях.

³ Густав Густавович Шпет был расстрелян 16 ноября 1937 года.

О типографских нормах

Если говорить о нормах типографских, когда я пришла работать в корректорскую, там была общая для всех словарей корректорская, но разделяли, кто знает какую графику. Я потом изучила персидскую графику, читала словари вот на этой арабской вязи как бы, уйгурский, например, там издавался. Все это вполне возможно, хотя, конечно, языка не знаешь

совершенно, но мне очень нравилась эта графика, тем более что Андрей начинал изучать арабскую графику в Институте востоковедения, куда меня не приняли безобразно.

Да, мне заведующий дает шестнадцать полос, тетрадочку этой верстки. Ну, я за час прочитала, как в типографии, и ему кладу на стол. А он на меня смотрит такими глазами, говорит: «Марина, ты что?» Я говорю: «Я прочла». — «Но это вам на целый день». И начались муки, что мне надо было перестраиваться. Уже этот ритм, к которому я привыкла за два года, надо было немножко усмирять себя и переходить на медленный издательский ритм, к которому было трудно привыкнуть. Ну, потом, конечно, я привыкла (*смеется*).

Ну, со временем стала редактором, потом даже заведовала редакцией, в общем, сделала там блестящую карьеру. Ну, из-за того, что я не была в партии, я была и.о., меня очень тянули и очень убеждали, и хорошие люди, добрые мои друзья говорили: «Ну что, вступи, что тебе стоит, будет хоть один порядочный человек в партии». Это была обычная уловка для людей, которые все-таки вступали, с таким сознанием, что он хотя бы один порядочный человек в партии. Ну, тут мне пришлось отказаться, я ушла в декрет, поэтому моя карьера окончилась, такая блестящая.

Поступление и учеба на вечернем отделении филфака

Е. Г.: А поступали вы куда? На филфак, да?

М. Т.: А поступала я на филфак, на вечернее отделение. Тогда оно было заочным, но через полгода буквально оно стало вечерним. Я не стала переходить на дневное, хотя была возможность пересдать что-то, досдать... Я знаю, что Алена... Как ее фамилия, сейчас уже не помню, Пастернак которая, надо же я фамилию забыла, она перешла потом на классическое отделение. Некоторые переходили как-то... Со мной там учились интересные девочки: Таня Шах-Азизова, которая стала театральным критиком известным...

Уж мы были... Вот в этой самодельной кофточке, самодельной юбочке, все сама себе шила. А потом мне тетя Ира моя, она работала в Малоярославце, в системе кооператива, кооператор, она мне подарила венгерский свитер красный. Меня прозвали «Красное и черное», потому что у меня была черная плиссированная юбка, которую я сама заплиссировала, всю ее наметала и утюгом... Шерстяная юбка и красный свитер — вот это была моя униформа много лет.

Е. Г.: То есть вы сразу поступили, когда не получилось на актерский?

М. Т.: Да, я сразу поступила на вечернее отделение и стала ходить еще... Да, ходила еще во ВГИК, а потом уже в типографию стала. Это уже позже была типография, конечно. Но я уже кончала тогда университет.

Е. Г.: А кто там преподавал у вас? Были интересные люди?

М. Т.: Ну, были, конечно. Ты думаешь, я сейчас вспомню? Кроме Комы Иванов⁴ я никого не помню.

Е. Г.: Иванов⁴.

М. Т.: Но мы его звали Кома Иванов⁴, с детства, потому что я его помню еще в Переделкине, в коротких штанишках с помочами. Голубого цвета были штанишки, перванш, цвета перванш, первоцветов. С такой кудрявой большой головой. Он у нас читал и принимал сравнительное языковедение. Я, конечно, была крайне легкомысленной студенткой. Мне сейчас даже стыдно вспоминать. Не знаю, я жила какой-то своей жизнью, внутренней, я бы сказала так, читала, работала, и мне было настолько неинтересно все, это сравнительное языковедение...

Ну, ходили на какие-то лекции. Кто у нас там известный был пушкинист? Радциг. Ходили на лекции Радцига⁴. Конечно, это было очень интересно, впечатляюще и замечательно. А так, я почти не училась. Признаюсь, мне было неинтересно, вот это языковедение, старославянский язык. Все это, конечно, сдавалось, все это читалось, были занятия.

⁴ С. И. Радциг читал курс античной литературы. А известный пушкинист, наверное, имеется в виду С. М. Бонди или, менее вероятно, Д. Д. Благой.

А в семинаре я была... Почему-то я выбрала советскую литературу 20-х годов. Вот как-то я более или менее в эту тему вникла и хорошо в ней разобралась, писала большую работу по этой теме. И помню, как занималась с педагогом, как мы с ней...

Е. Г.: А кто вел?

М. Т.: Не могу сейчас вспомнить, очень милая дама. То есть это прошло для меня параллельно с какой-то жизнью. Это не было основной жизнью моей.

Е. Г.: Потому что вечернее, наверное.

М. Т.: Потому что вечернее. Я была лишена вот этой... Какая-то Стромынка, это общежитие университетское, только витала в воздухе эта Стромынка, загадочная для меня. Вот эта студенческая жизнь, все эти студенческие песни, ну, на слова Когана, «Бригантина» там... Все это как-то было, но краем, краем все это задело меня. А позже уже я вышла замуж, родился Миша... Я кончала, когда уже Миша был. Я год пропустила из-за его рождения, потому что я не могла... Когда он был совсем маленький, мама работала, Саша работал, я не могла ходить даже на лекции вечерние. Когда мама ушла с работы, тогда я уже бегом бежала, потому что настолько однообразие вот этого материнства, что я бегом бежала в университет на лекции. Было интересно.

Экзамен по белорусской литературе

Только потом очень многое узнаешь и об этих педагогах... Был такой Василенко, по-моему, так его была фамилия, очень боюсь перевернуть, может быть, была другая фамилия у этого педагога. Он преподавал белорусскую литературу. Почему-то

надо было ее сдавать. Вот тут я ярко запомнила, что перед самым входом в аудиторию я говорю: «Девочки, а что это за роман „Золото“?» Такого-то автора, уже не помню, белорусского. Они мне быстренько рассказали содержание. Я говорю: «Ну, расскажите мне что-то там особенное». Они мне рассказали. И вдруг я вынимаю билет с этим «Золотом» (*смеется*). Я неспроста это рассказываю, про этого педагога и мое с ним общение. Я ему рассказываю бойко, а он говорит: «А вы не читали роман». Я говорю: «Как? Я читала». Еще такая наглость была, но я рада, что я была нагла именно с этим педагогом. Я говорю: «Нет, я читала». — «А расскажите мне какую-нибудь особенно выразительную сцену». И я ему выдаю выразительную сцену, что герой этого романа идет по лесу, наталкивается на труп человека, который с этим золотом носился весь роман, наконец, он его приобрел как-то, лежит его труп разложившийся, а рядом — мешок с этим золотом. То есть такой символ: вот он умер, а столько сил положил на добычу этого золота, что все это, в общем-то, бессмысленно и никакого... Он мне поставил четверку.

А что это был за человек? Это был стукач, который посадил профессора Богатырёва, отца Кости Богатырёва, с которым я была знакома, которого убили потом бутылкой в подъезде по голове, замечательный был человек. У нас одновременно родились дети. Костя тогда был мужем Сони... Сони Богатырёвой хотела сказать... Господи, поэта... Гурвич — не Гурвич... Гурвич? Который хранил рукописи Цветаевой⁵. В общем, человек исключительный...

⁵ Первой женой Константина Петровича Богатырёва была Софья Игнатьевна Богатырёва, дочь писателя Александра Ивича (Игнатия Игнатьевича Бернштейна), который хранил архивы Владислава Ходасевича и Осипа Мандельштама.

Ой, ужасно, когда память изменяет. Не могу вспомнить сейчас. Короче говоря, она вышла за Костю замуж, когда он вернулся из лагеря, а Костя, будучи... Значит, во-первых, этого профессора ото всюду выгнали, да, по навету, по клеветническому письму вот этого профессора белорусской литературы. Поэтому я сейчас рада, что я так хамски сдавала ему экзамен. Да, вот они женились. Костя приходил... Извините, их сын был моим молочным сыном, потому что они брали у меня молоко, у меня оставалось, а были проблемы у Сони с этим. Потом они развелись. Потом он уже так и погиб, ужасно. Вот.

Так что учеба в университете — это какой-то провальный, я бы сказала, эпизод моей биографии (*усмехается*).

Дружба с Василием Шукшиным

Е. Г.: А когда вы носили бутерброды Андрею во ВГИК, это еще?..

М. Т.: Я еще тогда подрабатывала. Я пришла на работу, меня вызвали по телефону, я была актрисой по вызову, это так называлось (*смеется*). Ну, тогда я не понимала такой двусмысленности, мне казалось, что это все правильно. И я зарабатывала, конечно, какие-то маленькие денежки, это тоже было небольшое подспорье. И меня там очень все любили, оператор, ну, те, кто учились, потому что я была хорошенькая. Им было приятно с хорошенькой девушкой работать. Да, было весело, интересно...

Е. Г.: А как продолжалась учеба Андрея, что он рассказывал?

М. Т.: Ну, Андрей сначала был в восторге от Васи, очень много о нем рассказывал. И я ходила на спектакли, где Вася играл, где он был актер, это была пьеса Бернарда Шоу «Ученик дьявола», может быть, она называлась. Он играл главного героя, который идет на казнь, и вот его монолог перед казнью я помню, исключительно... Вообще, он был замечательный актер. Андрей всегда говорил, что все-таки на первом месте Шукшин — это актер, а потом уже писатель и режиссер.

Вася уже тогда начал писать, будучи студентом ВГИКа, и показал свои рассказы Ромму. Ромм ему сказал: «Рассылай веером по всем журналам». И Вася как раз рассылал веером. Мы одно время снимали две комнатухи, два пенальчика, в одном из них одно время Вася жил, когда он уже монтировал «Живет такой парень». Ему просто негде было жить в Москве. Из общезжития его исключили, потому что он уже кончил, уже не был студентом. Это была его первая работа самостоятельная на студии Горького. Такие дела.

Е. Г.: А, это вы жили с Сашей уже?

М. Т.: Мы уже с Сашей, да.

Е. Г.: Вы пропустили важный эпизод.

М. Т.: Это уже было позже.

Е. Г.: Это было в 57-м году?

М. Т.: В 58-м. Андрей женился в 57-м на Рауш, а мы поженились в 58-м.

Антисемитизм

Е. Г.: А еще был до этого ведь XX съезд в 56-м.

М. Т.: Был XX съезд, да. Я помню хорошо этот день, когда... Уже после доклада Хрущева, хотя он был закрытым, тем не менее все узнали, что содержание доклада Хрущева — развенчание культа личности. Ну, это было, конечно, грандиозное событие, потому что до этого мы пережили борьбу с космополитизмом, ну, не мы, а люди, как говорится, еврейской национальности, а их было кругом много. Это были наши друзья, это были друзья наших родителей, это было очень близко все... Ивич! Ивич — фамилия вот этого поэта, о котором я сейчас говорила. Соня Ивич и Анна, жена этого Ивича, мама этой Сони, которая стала женой Кости Богатырева. Она приходила к маме. Я очень хорошо помню эти разговоры, как она стояла, читала какую-то газету, ну, где-то остановилась на улице, и какая-то баба русская подошла и стала просто ее оскорблять, обливать грязью, какими-то словами. В общем, это все было страшно!

Это все было страшно, потому что... Ну, люди готовились, евреи готовились к тому... Говорят, может, это и неправда, что уже строились бараки в Сибири где-то, чтобы вывозить евреев из Центральной России. Если бы не смерть Сталина... Потом были знакомые... Например, был дом на... Какая же это улица?.. В общем, дом медицинских работников, где жила вся профессура, да, многие их которых были евреи, да и не только... Как на носилках больного человека выносили из этого дома и в тюрьму помещали... Буквально на носилках. Знакомые люди это видели, и всё это рассказывалось. В общем, это все было в обществе. Одни просто уже понимали, что можно в открытую антисемитизм проявлять, сказать еврейской женщине или любому еврею что-то обидное, не принять на работу.

Вообще, пятый пункт существовал при принятии на работу. Когда я заведовала редакцией... До меня была заведующая Клавдия Семеновна Выгодская, кстати, сестра Давида Семеновича Выгодского⁶, известного ученого-психолога. Она жила рядом с нами, во 2-м Щиповском, даже я видела ее и ее сына, еще не будучи с ней знакома. Она принимала в редакцию...

⁶ Известным психологом был ее брат Лев Семенович Выготский, их родной брат Давид умер, не дожив до четырнадцати лет. Но был известен их двоюродный брат Давид Исаакович Выгодский, поэт, литературовед и переводчик.

А тогда была заведующей романской редакцией, допустим... А, нет, главным редактором издательства была Ксения Александровна Марцишевская, жена Ивана Никаноровича Розанова, замечательного книголюбца, ученого, филолога. Она потом его библиотеку отдала, не помню, куда, то ли в Литмузей, то ли в Библиотеку Ленина, не помню уже, куда она отдала. И она принимала людей без оглядки на национальность. И в нашей романской редакции работали женщины-еврейки, замечательные люди, прекрасные, профессиональные. Но когда ко мне пришла устраиваться молодая выпускница университета, не помню, с каким языком она была, с одним из романских, я пошла к начальству, говорю: «Хочу принять». «Нет, Клавдия Семеновна и так набрала полно в вашу редакцию. Учитывайте пятый пункт», — она мне сказала открытым текстом. То есть даже в годы... Какие это были годы? Это уже конец 70-х, было такое отношение, продолжалось. А тогда, когда было все дозволено, были такие вещи, что просто люди стали бояться выходить на улицу и так далее.

Изменения после XX съезда КПСС и возвращение политзаключенных

А мы как раз со Славой Петровым, одноклассником Андрея, на следующий день поехали кататься в Подрезково, помню сейчас даже, на лыжах. Это был март, очень хорошо помню... Это в марте было, да? В конце марта, наверное, потому что Сталин умер 5 марта... Вот у меня газета есть, как бы официально это было объявлено, немножко раньше. Вот. И все это обсуждали, и мы говорили на эту тему. Не знаю, как Слава, по-моему, он очень сдержанно к этому отнесся, он потом работал, по-моему, в МВД... Слава сдержанно к этому всему относился, с большим знаком вопроса.

А у нас, конечно, все приняли с радостью это, с большой надеждой. Мама называла Хрущева «дорогая наша свинка». По-моему, очень точно. Это как его надгробье черное и белое, Эрнст Неизвестный сделал. Точно так же мама характеризовала эту личность, этого политического деятеля, скажем так. «Дорогая наша свинка». Стали люди выходить из лагерей, приезжать.

Е. Г.: Как изменилась жизнь после XX съезда для вас и в Москве? Что заметно поменялось?

М. Т.: Как она изменилась? Это надо даже вспоминать. Ну, во-первых, доклад Хрущева и отмена... Ну, сначала-то после смерти [Сталина] Берия выпустил политзаключенных, в 53-м году, летом...

Е. Г.: Это когда Андрей...

М. Т.: То есть бандитов. Как они назывались, вот этих заключенных...

Е. Г.: Уголовников.

М. Т.: Совершенно верно, уголовников выпустил. Все ждали, когда же начнут выпускать политических, потому что все это было притянуто за уши, вся эта политика. Но этого не было, не было, не было. Потом убрали Берия, потом стал Хрущев, все эти события не очень объявлялись. Какая-то была двусмысленность с этой ликвидацией Берии, все было полускрыто. Тем не менее, это случилось, и выбрали Хрущева... И начали приходить люди. Это я очень хорошо помню, но это уже все позже началось. Это все очень постепенно пошло, не сразу, что вот прямо валом повалили политзаключенные. Нет, все это было вот как-то... Ну, может, я просто не знала чего-то.

Вот уже был Миша, значит, это 58-й год. Вдруг появился Володя Зверин так называемый, отчество его не знаю, в семье назывался Володя Зверин. Я, конечно, должна была знать его отчество, но почему-то так и называла «Володя» или «дядя Володя». Вот он появился. А у меня есть рассказ про пальто, потому что он в какие-то 30-е годы пришел к маме и папе раздетый совершенно. Он был такой окололитературный мальчик, юноша, молодой человек. Я не знаю, кем он был, наверное, поэтом тоже. Я не читала ни одного его стихотворения. И вот тогда мама дала ему папино пальто, чтобы он его временно надел и вернул, потому что он пришел раздетый, но дома у него что-то было, почему-то он мерз тогда. Пальто он так и не вернул. А бабушка спрашивала в письмах: «Как же Володя не вернул пальто?» Потому что оно на хорошем ватине шерстяном, бабушка сама шила папе это пальто, конечно, бабушка жалела. Оказалось, что Володя был уже арестован тогда, а может быть, прошло несколько лет, он не появлялся в этом пальто. Но пальто он не вернул. И потом вернулся, уже об этом пальто речи не было, конечно, никогда. Это уже потом я целую историю об этом пальто написала.

Я сидела с Мишей на лавочке. Миша родился в октябре, а это была весна уже 59-го года. Помню, он у меня еще в одеяле, солнышко светило, воробьи в лужах купались. Вот появился этот Володя Зверин, с редкими волосами седыми, с железными зубами, которые уже после лагеря делали, на поселении, видимо. Но не было разговоров на эту тему, понимаете, не было расспросов. Я не знаю, может, мама с ним говорила как-то конфиденциально, без нас, без меня. Ну, Андрей уже с нами не жил тогда.

Я помню, когда я была у Евгении Владимировны Пастернак, то появилась дочка Зускина⁷ Алла, в доме у них. Я ее хорошо помню, может, она жива до сих пор...

То есть когда убили... Кого убили? Главного директора Еврейского театра Михоэлса, великого актера. Когда его убили, очень многих из этого театра посадили, и Зускин тоже погиб, а его семья была сослана. И вот тогда вернулась, видимо, жена, если она оставалась живая, этого изумительного актера, который в «Короле Лире»... Там играл короля Лира... Как мы сейчас назвали фамилию?

Е. Г.: Михоэлс.

М. Т.: Михоэлс. Гениально играл! Мама с папой видели этот спектакль. Мама рассказывала, что это было потрясающе. А Зускин играл шута, тоже потрясающе. И вот пришла эта девочка, молодая женщина, Алла, к нему в гости. Видимо, они были знакомы тогда семьями как бы, и с Зускиным, и с Михоэлсом, я думаю, с Пастернаками, когда еще была первая семья. Так что появлялись люди. Наверное, их было много тогда. Но то, что коснулось лично меня, вот я помню.

Ну, ожидали, что будет свобода, что будет теперь все замечательно, но ничего замечательного не получилось. Вот эта оттепель, названная по рассказу, это всем известно, Эренбурга, началась, собственно, с XX съезда. Все надеялись, что дальше все пойдет по нарастающей, будет свободнее и свободнее, а получилось наоборот. Но в этот отрезок успело что-то проскочить, в частности, начиная даже с Андреевой работы учебной по Хемингуэю. Это уже было хрущевское время. Потом они...

Фильм «Сегодня увольнения не будет»

Е. Г.: Они еще успели что-то сделать?

М. Т.: Потом они вместе с Сашей сделали фильм. Если вернуться к их учебным работам, курсовая уже была у них работа, какой год, сейчас не скажу, это «Сегодня увольнения не будет». Ромм предложил эту тему на курсе. А тема такая. Появился очерк одного журналиста в какой-то московской газете о том, как во время рытья траншеи в Курске обнаружился склад немецких боеприпасов, снарядов неразорвавшихся. И об этом был очерк, который заинтересовал Ромма. Ну, никто не захотел, а Андрей и Саша решили это сделать.

Тогда мы уже видели фильм с Ивом Монтаном «Плата за страх», французский фильм, режиссера забыла. Там история такая, что герой безработный, ему нужна работа. Он нанимается перевезти в качестве шофера груз нитроглицерина, то есть это груз, который надо везти крайне аккуратно, осторожно, потому что он может взорваться при небольшом толчке. И его поездка с этим грузовиком взрывоопасным — это содержание этого фильма. Но кончается там очень все плохо, как я сейчас помню, что его девушка танцует, но в тот момент, когда он гибнет, герой, Ив Монтан, то она падает вдруг в обморок во время этого танца. Там мистическая связь между ними, между его гибелью и его возлюбленной.

Когда они предложили сыграть там Борисову, замечательному актеру, он сказал: «Ну, давайте сделаем свою „Плату за страх“». Он сразу понял, о чем там пойдет речь. А речь там пойдет об обезвреживании снарядов. Во-первых, надо их было из траншеи вынести, аккуратно вытащить из слоя земли, в который он был вмонтирован, погружен. Аккуратно на руках вынести за пределы до машины. На этой машине этот груз аккуратно перевозился за город, где потом он взрывался. Но при этом жители города должны были быть эвакуированы, так как обстановка была очень опасной, взрывоопасной. И вот они вдвоем с Сашей делали эту работу, и там снимались будущие звезды советского кино и театра. Трудно сейчас, не могу никого вспомнить, Катя, я не знаю, что это такое.

Е. Г.: Много участников было?

М. Т.: Там было много участников. Любшин, например, который сейчас очень известный актер, замечательный. Много таких замечательных, тогда они все были студентами ВГИКа, а потом стали известными. Помню сейчас Любшина, который играл как раз водителя грузовика, главную роль фактически. Андрей там снялся в эпизоде. Он снялся в эпизоде и в «Убийцах», я уже говорила об этом, и снялся там в маленьком совершенно эпизоде подрывника, солдата-подрывника или офицера младшего, уже сейчас не вспомню. То есть он зажигает этот шнур, бикфордов, спичку подносит, зажигает и отбегаешь подальше от этого места. Фильм получился очень хороший. До сих пор у Александра Витальевича, как у соавтора этого фильма, идет переписка с одним преподавателем вуза, профессором даже, из Курска. Вот они переписывались, и Курск знает, что там снимался этот замечательный фильм. В Курске это известно. В общем, это такая яркая страница.

Кстати, его снимали совместно с молодежной редакцией советского телевидения, центрального телевидения, то есть этот фильм снимался по заказу молодежной редакции. Это было замечательно, потому что, во-первых, они оплачивали съемки, а во-вторых, авторы получали гонорар, что тоже было очень серьезно тогда для нашей семьи, очень важно. Это было подспорье, может, единоразовое, но... Да нет, они полгода этим занимались, значит, какую-то зарплату они получали с Андреем. Это было замечательно.

И фильм показывали 9 мая очень продолжительное время. Сейчас про него забыли. Так что был такой совместный последний фильм, а потом Андрей снимал дипломную работу уже один. Сценарий он писал вместе с Кончаловским. У Андрея начался другой этап жизни, знакомство с Кончаловским, который учился во ВГИКе на два года ниже его, меньше его, как сказать, раньше, позже его, тем не менее они познакомились. Вот уже сценарий «Катка и скрипки», дипломную работу Андрея, они писали вместе.

Ну, если говорить об этой работе, то это разряд поэтического кино... Андрей терпеть не мог этих этикеток, которые вешались на искусство, если грубо говорить...

Е. Г.: Киноанализа не нужно. Это все известно. Интересно про жизнь.

М. Т.: Не нужно... Я свою шпаргалку потеряла.

Андрей Кончаловский и Андрей Тарковский

Окружение Андрея Тарковского

Е. Г.: А с кем-то из актеров, учащихся тогда во ВГИКе, Андрей дружил близко?

М. Т.: Ну, они же параллельно учились. Вот в учебных работах Андрея, Андрея и Саши, о которых я говорила, там параллельные курсы участвовали, и операторские... «Убийцу» снимали Альварес и Рыбин. Альварес — это из детей испанских, а Рыбин потом стал директором Киностудии имени Горького... Имени Горького? Ну, да, студии Горького. То есть выросли люди до каких-то таких... Альварес уехал, по-моему, на родину позже.

И актеры, конечно, снимались, вгиковцы, в обеих этих работах. Так что очень тесный контакт был, но дружбы особой с кем-то не возникло. Конечно, они больше дружили с однокурсниками своего факультета, что ли, режиссерского.

Е. Г.: Но общение уже переместилось больше на территорию общежития, да? Дома у вас не собирались они?

М. Т.: Да. Общение? Я не знаю, куда оно переместилось, может быть, действительно туда, но я не думаю, чтобы Андрей часто ходил в общежитие. Нет, я этого не помню, может быть, мимо меня это прошло. Ну, Андрей женился в 57-м году, а кончали они ВГИК в 60-м, дипломную работу. В основном, конечно, все вокруг вгиковских друзей крутилось, а с актерами, нет, как-то не было особенных... Ну, были знакомства, конечно, но не более того, мне кажется.

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года

Е. Г.: 57-й еще знаменателен тем, что состоялся фестиваль молодежи.

М. Т.: Да, об этом не надо забывать.

Е. Г.: Вспомните, пожалуйста.

М. Т.: Это относится и к оттепели, потому что вдруг Москву наводнили иностранцы. Как это может быть? Иностранцев в Москве не знали очень давно. Это были какие-то уникальные иногда приезды при Сталине. Вообще, все боялись с ними общаться и потеряли все связи заграничные. У многих же москвичей были связи, и вообще у русских людей были связи с заграницей, были родственники за границей. Был же в анкетах пункт: «Есть ли родственники за границей?» Все писали: «Нет». А потом вдруг объявились родственники за границей. В общем, все было очень интересно.

Да, 57-й год. Фестиваль в Москве. Андрея в это время в Москве не было. Мама им с Ирмой сняла квартиру. Я вчера как раз проходила мимо этого переулка. Это рядом с американским посольством — Большой... Как-то он назывался, этот переулок? Вчера прочла название, Катя. Голова сейчас совершенно, давление что ли, не знаю. Короче говоря, я там жила летом... Да, мама им сняла квартиру и заплатила вперед деньги, за месяц, допустим, а люди, которые сдали эту квартиру, уехали на дачу, а может, куда-то из Москвы просто еще, отдохнуть. Они на месяц сдали эту квартиру. Мама сняла для Андрея, а они уехали с Ирмой на практику в Одессу, на Одесскую студию. Их не было в Москве в это время, а я там жила, потому что приехал снимать этот фестиваль один мой друг. Поэтому я там жила, я работала в издательстве, отпуска у меня не было.

Я помню, что с моей одной приятельницей университетской... Я еще не кончила университет, еще не выходила замуж. Она была очень живая девушка, и мы с ней пошли... Она говорит: «Поедем на ВДНХ (тогда она называлась сельскохозяйственной выставкой), поедем на эту выставку». — «Ну, поедем!» Мы с ней прошли, а там было большое количество участников фестиваля. Да, а до этого на Садовом кольце как раз, где сейчас американское посольство, я как раз вышла из этого переулка, забыла, как он назывался, и смотрела в толпе... А вдоль тротуара стояли толпы москвичей и гостей столицы, и я в том числе. И ехали грузовики, на которых стояли участники фестиваля, приезжие. Конечно, это была экзотика: индийцы в сари, африканцы в своих этих бубах и так далее. Все что-то кричали, что-то пищали, разные голоса. В общем, было единение, мир и дружба между народами. Конечно, был определенный подъем душевный, потому что иностранцы. Это было очень интересно, как они выглядят, как они себя ведут на этих грузовиках. Это была первая встреча с иностранцами. Я видела, как они все проезжали.

А у меня были домашние дни. Может быть, это был выходной день. У нас были домашние дни, потому что помещение маленькое, и мы по очереди: день дома работаем, два дня там присутствуем. Наверное, это было воскресенье все-таки, потому что народу было много, и такой день торжественный — открытие фестиваля. Все ехали на стадион в Лужники, только что построенные. Так что все это было замечательно.

А потом мы в какой-то из дней пошли с Лилькой Богдановой, тогда она не была еще замужем, мы пошли с ней на ВДНХ. И там все так братались, ходили, встречали. Ну, встречается какой-то иностранец, и вот начинается: объятия, рукопожатия... Какой-то цейлонец, маленький такой: «Здрасьте, здрастьте», — что-то хи-хи, ха-ха с ним. Он мне дарит маленькую сабельку в ножнах. Я не знаю, видимо, она была дорогая, потому что эти ножи украшены были голубенькой бирюзой, может быть, это было из золота, я не знаю. Вот он просто берет и мне прицепляет куда-то: «Спасибо». — «Спасибо». И мы расходимся.

Потом группа марокканцев, как выяснилось. Ну, так как я говорила слегка по-французски, то мы с ними как бы подружались. И эти марокканцы, которые учились во Франции на каком-то медицинском факультете, может быть, Сорбонны, я как-то это не уточняла. На родине они, наверное, исповедовали свои манеры поведения, а здесь они были почти французами, то есть некоторая развязность, свобода в общении абсолютная. Они могли тут же обнять тебя, могли под ручку взять, могли сказать какую-то фливорность, которая нас, советских девушек, очень смущала, не потому что мы советские, а потому что мы такими были. Этот стиль свободы в общении полов был чужд, такого не было у нас, в России. Вообще, этого не было, не потому, что это Советский... Может, и потому, что Советский Союз, не было тлетворного влияния Запада (*усмехается*). А может быть, какая-то традиция русская шла из порядочных семей, где этого не было. Я понимаю, что где-то ниже, вот уровень такой интеллектуальный, культурный, я с этим встречалась, там была развязность, там уже были какие-то сожительства. Во дворе у моей подруги Олечки Метляевой была какая-то Светка, был какой-то ее друг, на коляске, и там была уже любовь такая, очень серьезная. Когда об этом я узнала, я даже во сне об этом говорила. Мама с Андреем слышали и потом меня допрашивали, о чем я говорю, почему там эта Светка с этим Колей что-то... Ну, я не могла какими-то словами своими, конечно, называть, а что они так дружат... В общем, на меня это производило впечатление.

А тут вдруг такая свобода с ними. Меня это шокировало немножко. А потом мы с этой Лилькой шли из университета, и к нам подошли два француза, обратились и говорят: «Нам нужны куклы», — и сразу в обнимку (*усмехается*). Я ему говорю: «Простите, у нас так не принято». И вот, значит, мы с ним пошли, и он стал спрашивать, кто мы такие. Он мною заинтересовался, начал расспрашивать, кто мой папа, что-то такое. Короче, мы им помогли что-то купить в ГУМе, нет, в ЦУМе, по-моему. Уже ЦУМ открылся, что ли? Может, в ГУМе, уже не помню, в каком-то большом магазине. Ну, была такая встреча.

Если говорить об этих самых делах, может быть, это было позже или раньше. Да, сейчас фестиваль, пока не будем трогать других французов, а вот марокканцы. Марокканцы, очень мы с ними подружались, и они меня стали приглашать с собой куда-то, на какие-то мероприятия, на которые их делегация приглашалась. Я помню, что было два мероприятия, куда я с ними ходила. Это на выставке же была грузинская свадьба, и на Трёхгорке было выступление их группы. Это были показательные вещи, очень интересные.

Е. Г.: Они музыканты были? Группа?

М. Т.: Нет. Они были студенты-медики, но там была большая группа, не только они втроем. Когда мы их встретили, они были втроем: такой маленький марокканец, очень милый... Да, я ему сразу отдала... Он собирал значки на свою кепочку, каскетку такую, я ему сразу подарила подарок этого цейлонца. Он был в восторге, потом мне писал открытки, все такое. Долго переписывалась с ними. Вот. Значит, что еще?

Да, вот на Трёхгорке. Они приглашают. Я прихожу. Мы там с ними встретились, пришли вместе. Кто-то из этой группы марокканцев начинает читать басню Лафонтена «Стрекоза и муравей» — «La Fourmi et la Cigale». Говорит по-французски с такими ужимками. Это было невероятно смешно, потому что они не просто твердили эту басню, они ее изображали, очень комично, в лицах это все: la Cigale, la Fourmi. Все это было замечательно смешно. Сидели работницы этой фабрики: шестимесячные завивки, лица такие напряженные... Они, конечно, не понимали смысла, но все-таки смотреть на этих ребят было очень смешно, даже не зная смысла. Ну, было объявлено, что это «Стрекоза и муравей». Может, они должны басню-то знать эту, уже крыловскую. Но они сидели, настолько напряженный у них был вид, они абсолютно были отстранены от того, что происходит.

А потом начались танцы. Я танцевать не умела и не любила, но я наблюдала, как танцует одна француженка, которая была с ними же. Эта француженка была очень коротко, почти совсем наголо подстрижена. Ну, чуть-чуть было у нее волос на голове, что тоже было тогда для нас абсолютно странно. Она тут же скинула туфли, юбка у нее была какая-то... У нас были мини тогда, вроде бы, или еще мини не началось? В общем, у нее была юбка очень сомнительная (*смеется*). И она всяком стала отплясывать. Конечно, все они, и я в том числе, так я виду не показывала, но для меня это было просто нечто сверхъестественное, такая свобода нравов, как говорит. Я думаю: «Ничего себе француженка!» Вспоминаю сейчас стихотворение Миши Синельникова о француженке, ее поет один румынский певец, у нас есть этот диск: «Француженка резкая, как „Марсельеза“». Ну, вот эта «Марсельеза» вела себя в этом ресторане с этим автором стихотворения определенно. Вот как раз такая же примерно француженка и отплясывала в 57-м году.

Е. Г.: Наши тетки не плясали?

М. Т.: Никто не танцевал, никто не плясал, нет. Вот она одна вдруг стала плясать. А второе впечатление — от свадьбы. Я говорю просто о том, как не было вот этой культуры общения даже в обществе нашем. Если говорить так формально, да, ее не было, чтобы взять и отплясывать ни с того ни с сего. Такой свободы быть не могло, тем более скинуть обувь. Это все было дико, непривычно. Ну, плясали же рок-н-ролл. Уже Андрей танцевал, и актриса, вот он с этой актрисой — «Живет такой парень», одна из жен Васи Шукшина, Лида Александрова. Вот они танцевали свободно рок-н-ролл где-то в гостях. Так что, может быть, были и более свободные люди, чем я, например. Может быть, Андрей не удивился бы такому, наверное, сам выскочил бы танцевать. Он свободно себя чувствовал. Тут зависит, наверное, от внутренней свободы человеческой. У меня ее не было, и у этих девочек, сотрудниц, работниц этой фабрики. И боялись, конечно, себя проявить как-то. Может, на какой-то вечеринке своей выпьют водки — там незнамо что могло быть. Не знаю.

Андрей Тарковский танцует с Лидией Александровой. 1962

А тут, значит, свадьба. Приехал грузинский ансамбль песни и пляски, замечательный ансамбль. Красавцы-грузины, красавицы-грузинки, изумительной красоты молодые люди. Ну, профессионалы высокие, ансамбль замечательный. На концерте их я не была, но здесь они все были в костюмах национальных. Их формально поженили. Ну, как формально? Вот двух членов этой... Кому-то из начальства пришло в голову поженить танцоров из этого ансамбля, девушку и молодого человека. Они абсолютно, по-моему, не любили друг друга. Потом где-то я прочитала, что это было просто мероприятие.

И вот там все сидели, в павильоне Грузии на ВДНХ, теперешней. Раздали такую глиняную посуду. Это все было новое, еще не обкатанное. Я помню, налили вина в такие плошечки. Я попробовала немножко вина этого, это был вкус глины, из которой... Был запах только что сделанного предмета. Какое-то еще скромное угощение было. Они сидели так, как жених и невеста, отдельно, в торце стола, и все стали к ним подходить и дарить что-то.

Ну, не зная этой ситуации, я внутренне понимала, что это что-то не то. И он снимает... У него был огромный золотой перстень, у старшего в этой группе, с которой мы больше дружили, имя уже забыла. Он снимает перстень и хочет им отдать, а я ему говорю: «Не надо, не отдавай, не надо». Но он все-таки пошел и подарил им, жениху, наверное, этот перстень. Мне так было жалко этого перстня. Ну, он ходит с ним, это его вещь, и вот он подарил. Они очень скоро развелись потом, то есть это была показуха. Как-то интуитивно я это почувствовала, потому что тут не было такого, что это все естественно, какое-то напряжение было в этой всей ситуации, искусственность такая. Вот такие два впечатления, три даже, об этом фестивале.

Е. Г.: А он длился сколько дней?

М. Т.: Вот это вопрос. Он длился, наверно, неделю, я думаю.

Е. Г.: Москва бурлила неделю.

М. Т.: Москва бурлила неделю. Ну, кого-то там ловили, кого-то брили. «Сколько там чего-то... та-та... грудей — это в милиции бреют...» — и в рифму там. Это Вознесенский написал⁸. Я ничего такого не слышала, только вот, как говорится, из стихов

Вознесенского, что кого-то брили. Я с ними встречалась, говорила по телефону, и никто меня не трогал, не брил, но я не была из того разряда, конечно. Тем не менее никто меня никуда не призывал, не расспрашивал, с кем я общаюсь, совершенно. Может, мне просто повезло, не знаю.

⁸ Искаженная строфа стихотворения А. А. Вознесенского «Фестиваль молодежи»: «Пляска затылков, блузок, грудей — это в Бутырках бреют блядей».

Е. Г.: Наблюдателей вы не замечали?

М. Т.: Нет, абсолютно. Мало того, я навещала своего друга в гостинице, а он приехал из другой страны, и я тоже думала... Тогда можно было свободно пройти в гостиницу. Номера наверняка прослушивались, но там ничего не происходило криминального, но меня тоже никогда никто не призывал, не шантажировал. Сейчас, когда я вспоминаю, мне немножко страшновато становится, потому что... Ну, как поймали Козакова на какой-то связи с американками, на каком-то знакомстве, и он стал сексотом. Он об этом потом пишет. То есть все могло быть, конечно, но вот не случилось ничего страшного, слава Богу. Дальше у нас что?

О своей свадьбе

Е. Г.: В 57-м году и свадьба у вас состоялась.

М. Т.: В 58-м.

Е. Г.: А что этому предшествовало?

М. Т.: Катя, я об этом не буду говорить. Это грустная страница в моей жизни.

Е. Г.: Ну, ладно.

М. Т.: Ну, свадьба случилась, была она в ресторане «Прага». Откуда-то взялись деньги на свадьбу. Ну, самое ужасное, началось с того, что надо было платье какое-то приличное. На свадьбу были приглашены люди с курсов Саши и Андрея, и надо было платье. Наша знакомая замечательная, Галина Александровна, музыкантша, педагог, она у кого-то купила для меня платье, блу какое-то. Оно было довольно прозрачное, нужно было под это платье какой-то чехол. Времени у меня на это не было, не было возможностей этим заняться, и у меня под этим платьем была просто комбинация. Сейчас забыли, что это значит, но это нижняя как бы рубашка, что ли, шелковая или вискозная, не знаю, из чего она тогда делалась. Ну, я дико этого стеснялась, что у меня не чехол под платьем, а вот такое вот.

Ну, мы сидели за этим столом, все было весьма скромно. Ну, принято: свадьба — это подарки. Подарков никаких не было, кроме одного. Мария Бейку, которая работала тогда в иностранном отделе радио СССР, «Говорит СССР» там или что, как называлось тогда, не знаю просто, она была диктором в греческой редакции этого радио. Она зарабатывала деньги. Она принесла в подарок хрустальный или стеклянный, хрустальный, наверно, поднос, на нем стоял графин, вот такой, пирамидовидный, и шесть рюмок. Все это со временем утратилось. Графин я куда-то, чуть ли не в музей какой-то отдала. Я уже не помню, куда дела этот графин. Он долго жил. Или кому-то подарила. Короче говоря, только Маша эта, Мария, Машка мы ее называли, принесла подарок.

Кто-то принес маленькую детскую кастрюлечку алюминиевую, там лежало почему-то новогоднее украшение — луковица. Это, видимо, считалось верхом остроумия у дарившего. Я не помню, кто это подарил, но это был второй подарок свадебный. И вообще, все было довольно грустно. Да, танцы, кто-то танцевал. Особенно, когда мне пришлось танцевать с моим женихом или уже мужем, значит, я дико стеснялась моего наряда. Мне казалось, что это выглядит неприлично.

А потом случилась очень странная вещь. Это было в «Праге», внизу, в таком партере, а мимо нас вот так, дальше, шла лестница на другой этаж, широкая, большая лестница. Там были широкие перила, они буквально оказались над нами. Вдруг рядом с нашим столом падает горшок с цветком. Андрей тут же вскакивает и бежит вверх. Я вскакиваю, бегу за ним. Почему я вскочила, побежала за Андреем? Ну, чтобы его унять, потому что я решила, что там будет драка, потому что Андрей любил выяснять отношения. Думаю: если там будет драка, я его разниму... Ну, кто знает, может, там целая команда боксеров сидит боксеров (*усмехается*).

Мне навстречу сбегает Высоцкий, с которым я не была знакома. Андрей тут с Высоцким задерживается, и они куда-то отходят с каким-то разговором. Что это было, я не знаю, то ли Высоцкий нечаянно толкнул этот цветок. Но с Андреем-то они уже были знакомы. Он не мог этого сделать. То ли потом Высоцкий там задержался. По-моему, все-таки они потом пошли вверх и там задержались. Я уже не стала туда подниматься. Вот это была загадочная история.

Е. Г.: Опасная.

М. Т.: Совершенно загадочная. Причем как там Высоцкий оказался в это время? Что-то смешное, загадочное и нелепое. И Андрей так ничего не сказал, что там, а я, по-моему, не поинтересовалась. В общем, так это дело и замяли. Очень странно все это. Ну, собственно, вот вся и свадьба.

Трудности семейной жизни

Е. Г.: Но вы сначала жили у вас?

М. Т.: Мы жили сначала у нас, на Щипке, в 1-м Щиповском, дом 26, квартира 2.

Е. Г.: А Андрей уже переехал в это время?

М. Т.: Андрей уже давно, уже год мама им снимала разные квартиры.

Е. Г.: Он еще учился?

М. Т.: Нет, он уже сделал диплом, а потом уже «Иваново детство». Он уже жил рядом с нами. Он же снимал диплом с Юсовым, приходил Юсов с женой. Они пришли к нам с Андреем, обсуждали, работали уже над концепцией фильма, над стилистикой, потому что оператор с режиссером в связке работают, вырабатывают принципы, как надо снимать и так далее. Это же первая цветная работа Андреева, а у Юсова уже был опыт. Он уже снимал какой-то балет в Большом театре для телевидения, поэтому у него был опыт работы с цветной пленкой. Вот так.

Для меня жизнь началась довольно суровая, потому что ребенок, на моих руках бабушка старенькая. Мама еще работала. Она ушла с работы, когда пенсионный возраст, пятьдесят пять лет ей стало, а Мише уже было четыре года. А Мишу мы не отдавали в детский сад, и я с ним сидела дома, и с радостью бежала заниматься в университете (*усмехаётся*). Такая какая-то жизнь уже была, ну, не очень радостная, я бы так сказала. Ну, ребенок, конечно, доставляет радость, я его очень любила, это был любимый ребенок, но когда ты четыре года сидишь дома безвылазно с ребенком... Это однообразие, изо дня в день одно и то же. Я исключая случаи, когда ребенок болен, это особая ситуация. Летом они с мамой на даче. Когда я туда приезжала на выходные, я бегом бежала к ним, потому что так за эту неделю соскучилась по Мише, по маме. Наши в одном доме жили с семьей замечательной. Танечка встречала маму, и они так под ручку медленно шли с поезда, с вокзала: «Иди с нами, Марина». «Нет-нет-нет, я с вами ковылять не буду», — и я бегом на дачу эту, ну, в деревню Игнатьево, где потом Андрей снимал «Зеркало». Там рядом был выстроен этот хутор, у этих хозяев, кстати, в этом же доме, который был перевезен.

Ну, началась жизнь. А когда мама ушла на пенсию, это был уже 62-й год, Мише уже четыре года было, я пошла работать в словарную редакцию. То есть не в редакцию, а еще в Словарное издательство, в корректорскую, так сказать, по своей специальности. Там несколько лет проработала. А потом пришла в редакцию романскую. Ну, вот так. Годы шли.

Ирма Рауш и разлад в отношениях с братом

Е. Г.: Но с Андреем у вас продолжалось все-таки общение?

М. Т.: Ты знаешь, Катя, первое время, когда они жили поблизости, когда еще в чем-то от нас зависела их семья, еще ребенка не было, он родился в 62-м году, их сын Арсений, то связь была довольно тесная. Но уже тогда чувствовалось... Ну, Андрей занимался своими делами и своими друзьями. Мы были ему малопривлекательны как бы, ну, сестра придет там что-то такое... А когда женился, то сразу как бы... У него странный характер, он обезьяна по восточному гороскопу, не гороскопу, а календарю. Он сразу занял как бы враждебную ко мне позицию внутренне, в защиту своей жены, хотя ее никто никогда не обижал, наоборот, мы ее очень полюбили и всячески... Господи, я стояла очередь за купальником в ЦУМе. Это была огромная очередь. Я купила чешский купальник ситцевый, внутри весь на резиночках, поэтому был такой пупырчатый. Я стояла в этой очереди, купила этот купальник, пришла к папе (они жили в Варсонофьевском переулке с Татьяной Алексеевной), на какой-то энный этаж, без лифта. Вообще, ужасная там была жизнь, мансардное помещение. Я пришла, говорю: «Папа, Татьяна Алексеевна, я купила себе купальник». Он говорит: «Померяй его, померяй сейчас же!» Я его надела, и по лицу Татьяны Алексеевны я поняла, и по папиному, что это был восторг. Купальник был голубой в мелкий цветочек, красненький, желтенький. У папы на лице было изумление и восторг — какая у него красавица дочь, а на лице Татьяны Алексеевны я прочла абсолютно противоположное. Конечно, не надо было мне себя демонстрировать перед ней. Ну, папа очень меня попросил.

Когда они поехали в 57-м году летом на практику в Одессу, я отдала ей этот купальник, потому что хотела сделать ей что-то приятное. Она едет на море — и вот тебе купальник. Хотя я ей не рассказала всю эту предысторию, как я стояла за ним в очереди час. Вот. Поэтому были очень добрые отношения. Но она была очень холодным человеком, жестким... То есть она и сейчас жива.

Да, я была беременна Мишей, Андрей пришел... Может, не стоит и говорить об этом. Андрей пришел: «Как ты себя чувствуешь?» А у меня были какие-то осложнения, была очень высокая температура. Я говорю: «Мне очень плохо, сейчас у меня температура тридцать девять, и очень плохо себя чувствую». — «А у Ирмы сорок температура, у нее была ангина, у нее сорок температура». Ну, вот так. Не то чтобы сестренку пожалеть, сказать: «Миленькая, что ж такое, ну, ничего, так бывает, ты выздоровеешь. А как сейчас? Какая у тебя температура? Давай померим». Этого абсолютно ничего не было. Было такое жесткое у него внутреннее противопоставление нас почему-то. Ну, видимо, хороший психолог это сможет объяснить. Это длилось всю жизнь, пока они были вместе, а дальше вообще уже пошло, все хуже и хуже, когда у него была эта сумасшедшая жена, вторая.

И кончилась вся эта дружба с Ирмой, которую я считала родной сестрой, и мы с мамой ей очень помогали, потому что они развелись потом. Ну, это уже дальнейшая жизнь. Мы просто ей помогали. Если Арсений Андреевич, мой племянник, здесь бывал часто, все каникулы тут проводил, мы с ним ездили по разным местам, гоняли — «сгоняем во Внуково самолеты смотреть». Я в выходной свой день с ним ездила, бросая свое семейство, делала все, чтобы мальчику было хорошо. Ну, кончается это все довольно грустно. Вот так.

Е. Г.: Вы всегда такой жертвенной были девочкой.

М. Т.: А что значит жертвенной? Нет, я просто старалась помогать, старалась... То есть любить не старалась, а любишь человека — и все. Но человек-то оказался не тот, носил какую-то маску странную, а под этой маской страшное лицо оказалось. Вот в чем дело. Может, она первые годы не притворялась, а была естественна. Ну, не хочется о ней много говорить, потому что, как говорится, предательство — это один из страшных грехов. Если вспомним Данте Алигьери... Я не помню, какой это круг, когда замерзшее озеро, и сидит дьявол, вмерзший в лед в самом центре озера, а там мучается Брут, Кассий и еще кто-то, то есть три страшных предателя, по Данте. Когда ее не станет, наверное, она попадет туда, потому что это было страшное предательство.

